

Тони Энтони
при участии Анджелы Литтл

У К Р О Щ Е Н И Е ТИГРА

**ИЗ ГЛУБИНЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
К ВЕРШИНЕ СЛАВЫ**

В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
МАСТЕРА КУН-ФУ МИРОВОГО КЛАССА

5-е издание

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2018

Глава 1

Шейна Д'Соуза теперь не узнала бы и родная мать. Тюремщики буквально соскребли его обезображенное тело с пола камеры и бросили на грязные носилки. Он был избит, порезан, изнасилован и искалечен. Лужи крови растеклись по холодному бетону большими багровыми пятнами. Когда его несли в госпитальный блок тюрьмы, кровавый след тянулся по всему коридору. Заключение, шаркая ногами, разошлись по местам. Мы все видели, кто расправился с молодым жителем Шри-Ланки, но никто из нас не сказал ни слова. И начальству было все равно. В блоке Б одним преступником — *fylakismenos*, как они называли нас, — будет меньше, вот и все. Его место вскоре займет другой. Никакого дознания не будет, и, соответственно, никто не понесет наказания. Ждать справедливости моему другу нечего.

Этот эпизод в Центральной тюрьме Никосии был вполне заурядным. Среди нас были убийцы, торговцы наркотиками и контрабандисты, гангстеры, растлители малолетних, насильники, террористы, воры и жулики: сборная солянка из образчиков человеческой испорченности; в общем, отъявленные негодяи и законченные неудачники, брошенные, как никому не нужный хлам, в зловонное месиво кипрской тюрьмы.

В тюрьме следовало блюсти множество правил, хотя все эти правила представляли собой неписанный закон. Здесь каждый из нас жил по уставу насилия. В этом была суровая необходимость. Приходилось быть предельно осторожным. Каждый был сам за себя, и кровь нередко проливалась из одной лишь жажды развлечения. И все же, Бог весть почему, между мной и Шейном установилась некая связь, как если бы мы заключили союз. Глядя на творившееся на моих глазах, я чувствовал, как во мне закипает едва сдерживаемый страшный гнев.

Аль Капоне — или «Алькапони», как называли его греки, — был препротивный, мерзкий субъект. Настоящей его фамилии никто не знал. Это был просто сумасшедший, душевнобольной преступник. Направлять таких в специальные психиатрические лечебницы судебные органы просто-напросто «забывали»; так что умалишенные преступники отбывали свой срок наказания среди остальных осужденных. Никакой закон на них не распространялся. Алькапони представлял собой наихудший образчик таковых. Дикий киприот был одиночкой, ни с кем не дружил и говорил только на своем родном языке. Он отбывал срок за убийства и групповое изнасилование — это был самый настоящий психопат. Если остальные баловались травкой и ширевом*, занимались мелким воровством (прежде всего, друг у друга воровали сигареты и шоколад — и то, и другое выступало в тюрьме в роли основной валюты) и время от времени всякими поделками, то Алькапони коротал свое время, калеча и терроризируя других заключенных. Сам он отбывал пожизненный срок и, словно исполняя чей-то наказ, с необыкновенным рвением превращал нашу жизнь в тюрьме в сущий ад.

* Ширево (*жарг.*) — внутривенное введение наркотика, обычно кустарного производства. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

В день жестокой расправы, какую учинил Алькапони над Шейном, я поклялся, что отомщу за друга. Алькапони был чуть ли не на полметра выше меня. Он накачал мышцы так, что его руки были едва ли не толще, чем мои ноги, но я был уверен, что смогу одолеть его. Я прекрасно знал, что одними голыми руками уничтожу, убью его, но прежде заставлю его пострадать за каждый удар, за все его подлые, мерзкие деяния, за каждую каплю Шейновой крови.

В последующие дни в тюрьме воцарилась гнетущая, невыносимо тягостная атмосфера ожидания чего-то. Все понимали, что я отомщу Алькапони. Сейчас меня уже ничто не могло остановить. Я только выжидал момент. Прошло почти две недели, с каждым днем я распался больше и больше, мечтая о том, как заставлю этого безумца пострадать за все. Мне мало было убить его. Я хотел заставить его униженно просить о милости, а затем отправить к праотцам в преисподнюю. Я был мастером кун-фу мирового класса и мог запросто разорвать его в клочья. Мне это ничего не стоило, я мог расправиться с ним голыми руками. В то время я, как и большинство заключенных, носил с собой лезвие. Мы делали эти лезвия из безопасных бритв и держали под языком или прятали в других укромных местах, где было не так-то просто их обнаружить. Но, похоже, это обстоятельство тюремщиков нисколько не беспокоило. Одни находили в этом садистское удовольствие. Другие закрывали на это глаза. Что им за дело, что один из эзков перережет другому глотку?

«*Gammodi bastardos!*» Неожиданно по темному, пустынному коридору разнесся хриплый вопль Алькапони, и со всего размаху меня впечатали в стену. Я разозлился на себя за то, что меня захватили врасплох, но в кровь уже начал поступать адреналин. Наконец-то час сражения с этим мерзавцем настал!

Когда этот негодяй, уткнувшись носом в мое лицо, навалился на меня всей тяжестью громадного тела, меня затошнило от его зловонного дыхания. Лезвие бритвы уперлось мне в шею — теперь в любой момент он мог перерезать мне яремные вены. В тот же миг я впился в его лоснящееся лицо свободной левой рукой, при этом мой большой палец уперся в глазницу Алькапони: я готов был проткнуть ему глаз. Мы сцепились друг с другом, я, соображая быстро и точно, не делал ни одного лишнего движения. Я отдавал себе отчет в том, что Алькапони в любой момент может перерезать мне глотку, но это уже не имело никакого значения. Для меня уже ничего больше не имело значения. Да, я мог умереть, но сначала должен умереть он.

Я жаждал крови Алькапони. Мне ничего не стоило выдавить ему глаз, а затем откусить ему ухо. Ярость кипела во мне, но вдруг я почувствовал нечто иное. В какие-то доли секунды меня пронзило странное чувство — в моем сердце происходила борьба. К Алькапони она не имела прямого отношения. Эта битва происходила во мне самом. Словно я оказался в новом для себя измерении, в котором переставали действовать врожденные, прочно укоренившиеся во мне инстинкты, делавшие меня жестоким убийцей. Когда я старался сосредоточиться на ухе Алькапони, в моей голове вдруг возникла картина прочитанного сегодня утром. Одного человека несправедливо обвинили и арестовали, а его друг, чтобы защитить его, отсек ухо рабу обвинителя. Ухо Алькапони было в пяти сантиметрах от моих зубов.

«Ну, давай же, Тони, укуси. Ведь тебе ничего не стоит сделать это», — нашептывал мне голос инстинкта.

«Нет, постой... все, взявшие меч, мечом погибнут...»
Откуда это вдруг?

«Ну, давай же, откуси ему ухо! Чего ты ждешь?»

Пока страх и жажда мести боролись в моей душе, Алькапони свободной рукой двинул мне в пах. Он злоб-

но усмехнулся, обнажив свои черные, сломанные зубы, между тем как мои пальцы впивались в его лицо, растягивая и разрывая его грубую кожу. Снова я услышал голос.

«Ну, и чего ты ждешь? Хочешь, чтобы он порезал тебя, а потом изнасиловал, как Шейна?»

Однако что-то удерживало меня. А что — я не понимал. Я крепко держал этого негодяя, хотя сам был придавлен к стене, но что-то не давало мне совершить следующий шаг. Два голоса боролись во мне. Минуты шли, по лицу Алькапони скатилась капелька пота, но тогда мне казалось, что время остановилось. Спор голосов относился ко всему моему существованию, бросал вызов смыслу моей жизни, самой сути того, кем я сделался, сам того не желая.

Я понимал, какой голос должен был победить. Но что дальше? Должен ли я поддаться этому недоноску и стать калекой, как мой друг? Или я действительно должен довериться этому новому чувству, новому голосу, который был таким непреклонным? Неожиданно из моих уст полились слова. Это были спокойные, ясные, веские слова. Алькапони понимал только по-гречески, но в этот сюрреалистический момент я говорил по-английски. Произнося эти слова, я немного отпустил его, чего-то ожидая.

В тот же миг Алькапони встрепенулся, будто сильнейший разряд электричества пронзил его тело. Весь липкий от пота, он задрожал и покрылся гусиной кожей. Его черные объятые ужасом глаза сверкнули в темноте — я приготовился к атаке. Но тут неожиданно Алькапони разжал свои тиски, и я оказался на свободе. Мы стояли, уничтожая друг друга взглядом, нас разделяло всего несколько сантиметров. И вдруг, в одно мгновение, Алькапони развернулся и бросился бежать. Он бежал словно одержимый бесами, согнувшись и закрывая голову руками.

Следя за тем, как фигура Алькапони пропадает во мраке, я слышал его леденящий душу голос, многократно отражающийся от бетонных стен.

Ошупав шею, я снял прилипшее к телу лезвие Алькапони. От лезвия на коже не осталось никакого следа.

Глава 2

Мне было четыре года, когда этот незнакомец объявился в нашем доме. Насколько я помню, никто к нам никогда не приходил, и, когда зазвонил дверной звонок, я выскочил из комнаты наверху и с любопытством остановился у лестницы. Отец впустил этого человека и пригласил в гостиную. Незнакомец оказался китайцем, как и моя мать. Я бесшумно спустился и стал смотреть через полуоткрытую дверь. Взрослые разговаривали, но так тихо, что я не мог разобрать, о чем они говорили. Зато из своего укромного места я мог видеть лицо чужеземца. Оно было недружелюбным и неприятным.

— Входи, Антонио, — прервал мои наблюдения мамин голос.

Стараясь не смотреть на чужеземца, я прошмыгнул мимо него и попытался спрятаться за ногами отца. Однако мама тут же притянула меня к себе. Я не знал, что мне делать. Я посмотрел на папу, но папа почему-то пристально разглядывал камин. При этом он моргал не переставая, будто в глаз ему попала соринка.

Чужеземец вдруг схватил меня за руку. Я вздрогнул от неожиданности и попробовал вырваться, но он держал меня крепко. Мама осуждающе взглянула на меня, словно хотела сказать: «Успокойся». Она всегда смотрела на меня так, когда я шалил. Затем она

передала чужеземцу небольшую сумку, и, прежде чем я успел что-либо сообразить, мы оказались уже за дверью. Когда мы удалялись по тропинке сада, родители не вышли даже проводить меня.

О дальнейшем путешествии я мало что помню. Чужеземец не говорил ни слова. Так что я не знал, куда он везет меня. Оказавшись в аэропорту, я начал дрожать от волнения и страха. Может быть, меня и ожидали необыкновенные приключения, но здесь что-то было не так, мне действительно было страшно. Мы молча сели в самолет. Время шло, и мне становилось все страшнее. Полет продолжался так долго, что казалось, он никогда не кончится. Мама с папой, конечно же, скоро приедут за мной. Мы вернемся домой, и все опять будет по-прежнему. Знал ли я, что этот самолет доставит меня в Китай!

В свои четыре года я вряд ли разбирался во всех перипетиях жизни своих родителей. Но в чем я не сомневался, так это в том, что мать моя страшно ненавидела меня. Находясь на борту самолета, я мог только догадываться, за что она так рассердилась на меня. Что я сделал не так на этот раз? Я знал, что я погубил мамину жизнь. Она говорила мне об этом. Наверное, поэтому она всегда злилась на меня.

Незадолго до появления этого чужеземца в нашем доме произошло событие, которого мне не забыть никогда. Мы только что переехали из тесной квартир-ки в Уэст-Энде в большой дом в Эджвере, в пригороде на северо-западе Лондона. Для меня этот дом был просто огромным, и я до сих пор помню, как с радостными криками носился из комнаты в комнату. Мама с папой купили себе в спальню большую кровать, и я решил поиграть на ней: подпрыгивал и падал, зарываясь лицом в новое пуховое одеяло. Внезапно в спальню как ураган влетела мама.

— Прекрати немедленно, глупый мальчишка! — закричала она, сильно ударив меня по ногам, а потом

подошла к туалетному столику, взяла большое ручное зеркало и принялась наводить марафет. Она, как всегда, долго разглядывала себя, а потом, выдвинув подбородок, стала не спеша красить губы, и закончила, наконец, наложением искусственных ресниц. Между тем я решил слезть на пол, зацепился за одеяло и снова шлепнулся на кровать. Это меня развеселило, и я рассмеялся.

Прежде чем я опомнился, мать уже нависла надо мной. Последовал сильный удар по голове, послышался звон стекла и пронзительный голос матери, проклинающей и ругающей меня такими словами, какие мамам не положено знать, а тем более употреблять. От жуткой боли у меня все поплыло перед глазами.

— Ну что за идиот? — кричала мать в безумии. — Теперь посмотри на себя!

Хлопнув дверью, она выскочила из комнаты. А я не мог даже шевельнуться. На моих плечах лежала рама большого ручного зеркала, множество крупных и мелких осколков впились в лицо и шею. Я заливался кровью, а когда, морщась от боли, попытался извлечь из щеки большой осколок зеркала, кровь полилась еще сильнее.

Я проснулся в тот момент, когда наш самолет приземлился, и окончательно пришел в себя, когда мы с чужеземцем спускались по трапу. Где мы? Я хотел потереть глаза, но чужеземец крепко держал меня за руку. Хотелось плакать. Вокруг все что-то говорили, но я не понимал ни слова. Голоса этих людей были пронзительными и странными. Меня охватили беспокойство и страх. Кто этот человек? Куда он привез меня? Нас окружали люди с сумками, тележками, пакетами, но это место ничем не напоминало аэропорт, в котором мы начали свое путешествие. Воздух здесь был тяжелый от сигаретного дыма и непривычных запахов. Еще не совсем проснувшись, ошеломленный и испуганный, я стал плакать, задыхаясь от рыданий.

— Ш-ш-ш! — зашипел чужеземец и так сильно стиснул мою руку, что его ногти впились мне в кожу. Острая боль и страх быстро оборвали мои стенания. Чужеземец протасил меня еще немного, и мы очутились на свежем воздухе. И только тут я понял, как далеко, очень далеко от дома я теперь оказался.

Словно испуганный кролик, я оглядывался вокруг в надежде увидеть мать или отца. Все было чужое. Здешний народ носил странную одежду. Кругом стоял шум, лаяли собаки. Неожиданно появился какой-то человек с птичьей клеткой в руках. Мы остановились. Перед нами стоял высокий худой человек в шелковом черном пиджаке с широкими, свободными рукавами и высоким воротником. Позже я узнал, что этот человек — мой дедушка. Но в тот момент нас не представили друг другу. Ни улыбок, ни приветствий, ни добрых пожеланий. Меня просто подняли и бросили в гужевую повозку деда, тот цокнул языком, и мы тронулись в путь под покровом ночи.

Выезжая из аэропорта, я обратил внимание на тени деревьев причудливой формы и на животных, снующих вокруг нас в полумраке. Мне было страшно, и меня мутило от какого-то тошнотворного запаха. (Уже потом я узнал, что это был запах лилейного мыла, которое использовал мой дедушка. Китайцы любят это мыло за его антисептические свойства, хотя меня до сих пор при одном лишь воспоминании о его гнусном, отвратительном запахе начинает тошнить.) Тогда от этого запаха я едва не сошел с ума.

Поездка, казалось, никогда не кончится. Когда наконец мы прибыли на место, вокруг стояла кромешная тьма. Я не мог различить окрестностей, но, подойдя ближе, увидел группу женщин, стоящих у ворот. Вероятно, они ожидали нас. Я не понравился этим женщинам. Я это сразу почувствовал. Но что плохого я сделал? Мне вспомнилась моя мать. Вскоре, бросая презрительные взгляды и не переставая болтать, женщи-

ны разошлись, все, кроме одной. Это была Жоумо — моя бабушка.

В доме меня зазнобило. Но на это никто не обратил внимания. Мне хотелось спросить, куда я попал, но когда я осмелился заговорить, на меня строго шикнули и жестом, приложив палец к губам, приказали молчать. Ребенок четырех лет от роду, я чувствовал себя совершенно одиноким в этом враждебном, пугающем мире.

Дедушкин дом показался мне очень странным. Я был потрясен, когда передо мной вдруг сдвинулась стена*. Бабушка подвела меня к кровати, стоящей в углу, которая не имела ничего общего с моей кроватью дома — просто палки из бамбука, лежащие на шатком каркасе. Кровать заскрипела, когда я улегся на нее, и потом, когда я ворочался, палки прищемляли мне кожу. Тонкая муслиновая простыня едва прикрывала мое тело, но я умудрился подоткнуть ее края под плечи, свернулся клубочком и заплакал. Так я лежал и тихо плакал, пока не заснул. Прошло немного времени, и я научился сдерживать свои слезы.

Люди здесь поднимались очень рано, в четвертом-пятом часу. Чтобы научить меня просыпаться вовремя, Лоуси, то есть «господин» или «учитель» (так мне было велено обращаться к дедушке), входил в мою комнату и бил меня бамбуковой палкой по голове. Вскоре я уже просыпался до того, как слышались его шаги, чтобы быть готовым на ногах приветствовать его. Но он всегда находил повод ударить меня. Избивал меня Лоуси зверски. Примерно через месяц я привык к этим побоям, хотя переносить их было всегда трудно. Лоуси бил меня по ушам, нередко до крови, тростью из молодых побегов бамбука. При этом он почти никогда не объяснял,

* В китайском доме, имеющем свою философию, традиционных в нашем понимании стен не бывает. Ставят только опоры для стен, а между ними делают передвижные ширмы и экраны.

почему избивает меня. Он прозвал меня *Ло хань цзюй-ло*, то есть «Маленький чужеземный дьявол», и считал делом своей чести «выбить из меня дух круглоглазых»*.

Обращаться со мной, как с единственным наследником по мужской линии, бабушке и дедушке следовало бы совершенно иначе. Мальчишки, как полагают в Китае, приносят семейному клану удачу и честь, нередко их называют «маленькими императорами». Их балуют и обожают не только родители, но бабушки и дедушки, причем даже больше. Что касается меня, то вся беда была в том, что моя мать вышла замуж за чужеземца, итальянца по происхождению, который родился и вырос в Англии. Этим моя мама опозорила все семейство. И, похоже, расплачиваться за недостойное поведение матери должен был я.

Каждое утро я покорно следовал за Лоуси во двор, где он начинал свои утренние упражнения. В течение нескольких часов подряд я стоял и дрожал в тонком муслиновом халате, не смея даже взглянуть на деда от страха быть избитым снова. Иногда я украдкой бросал взгляды на крышу и стены дома. Они были украшены причудливыми фигурами, среди которых были драконы, птица феникс, крылатые кони, единороги и какой-то человек верхом на петухе.

Сначала я только смотрел, как Лоуси выполняет странные движения. Меня он заставлял молча стоять и глубоко дышать: вдыхать носом и выдыхать ртом. Это было страшно скучное и утомительное занятие. Дни шли за днями, недели за неделями, и я начал понимать дедушкину речь. Как он объяснил мне, его упражнения относились к системе тай-чи — практике, без которой невозможно овладеть боевым искусством кун-фу.

Вскоре до меня дошло, что мой дедушка был Великим мастером древнего боевого искусства. Все в деревне уважали его. Вот почему наш дом среди других был

* То есть западных, белых людей.

самым большим. Иногда он казался мне настоящим храмом на горе.

Подробности происхождения нашего семейного клана в моей памяти не сохранились, но я хорошо знаю, что мой дед был родом из северного Китая. В сороковые годы прошлого столетия он бежал от злодеяний японских захватчиков в Кантон*. Рожденный в семье Су, он был прямым потомком Гун Су, входящего в так называемую «Пятерку почтенных», которые остались в живых после разрушения храма Шаолинь в 1768 году в период правления Маньчжурской династии. Скрываясь от политических преследований, Гун Су продолжал практиковать боевое искусство кун-фу. Тайны этого искусства, бережно передаваемые из поколения в поколение, дошли до моего деда, Чжэн Лин Су.

Будучи монахом монастыря Шаолинь, мой дед гордился его пятивековым наследием. После многих лет обучения в монастыре он стал развивать собственный стиль и методы преподавания боевого искусства кун-фу. Вскоре он сделался особо почитаемым Великим мастером кун-фу. Но у Чжэн Лин Су не было сына, и это означало, что род Су мог прерваться на нем. Таким образом, я сделался его неожиданным и малообещающим учеником. Возможно, поэтому, обучая меня, он и стал применять самые жесткие методы. Он знал, что мне, «круглоглазому» полукровке, в жизни придется очень и очень туго. В ближайшие годы Лоуси предстояло открыть мне многие тайны и богатства древнего искусства. А мне предстояло сделаться его дисциплинированным учеником, по-настоящему просвещенным последователем и непобедимым бойцом — мастером рукопашного боя.

Стать истинным учеником школы боевых искусств — значит принять образ жизни, отличный от всего известного в западном мире. Основанием такого образа жизни

* Кантон — европейское название китайского города Гуанчжоу.

является духовная дисциплина и практика даосизма*. Согласно древним преданиям о боевых искусствах, отцом кун-фу был индийский проповедник буддизма, монах Бодхидхарма. Жителям Китая он больше известен под именем Дамо. По одной из легенд Дамо в начале шестого века оставил монастырь в Индии и отправился в Китай распространять учение Будды. Блуждая в горах северного Китая, он нашел пристанище в монастыре Шаолинь. Шаолинь в переводе с китайского означает «юное деревце», которое, благодаря своей гибкости, склоняясь и раскачиваясь, способно пережить сильные ветры и бури. По требованию Дамо ученикам преподавали навыки медитации**, направляя на постоянные поиски истины, но монахи во время медитативных упражнений просто дремали. Дамо понимал, что это происходит вследствие их телесной слабости и немощи, и придумал ряд упражнений. Вот что он говорил в связи с этим:

Учение Будды предназначено для души, но у души есть тело — ее неразлучный спутник. Вот почему я предлагаю вам способ, с помощью которого вы сможете поддерживать вашу энергию на достаточном уровне, чтобы приближаться к Будде.

Эти упражнения представляли собой определенную последовательность движений в процессе медитации.

* Даосизм — одно из основных направлений древнекитайской философии, а также китайская религия с трактатом «Лао-цзы» в качестве основного канонического сочинения. В основе вероучения — поиски вечного счастья, достигаемого десятью добродетелями, и соблюдение заповедей. Основной целью последователей даосизма является достижение долголетия с помощью специфической диеты и различных физических упражнений.

** Медитация — размышление, мысленное сосредоточение, погружение внутрь себя. Во время медитации, благодаря сосредоточению мысли в определенной последовательности, достигается внутреннее состояние покоя, при котором возможно неискаженное восприятие окружающей действительности и слияние тела в единое целое с духом.

Более того, эти движения сделались базисными элементами тех боевых действий, которые помогали монахам-отшельникам и странствующим монахам, скитающимся от монастыря к монастырю, защищаться от бандитов. Но даже в этих случаях Дамо призывал учеников концентрироваться, прежде всего, не на физической силе, а на внутренней энергии «ци». Лучшими переводами этого слова, по всей видимости, следует признать следующие три: «дыхание», «дух» или «жизненная сила».

Именно развитие энергии ци является основой даосского творчества как в сфере медицины, философии, так и в сфере боевых искусств. Во дворе у дедушки в те далекие дни я часами занимался дыхательной гимнастикой, и это не могло не сказаться в будущем на силе моего духа.

Однажды Лоуси одел меня в оранжевую одежду и повел в местный шаолинский храм. Когда мы по бесконечно длинной лестнице поднимались ко входу, небо сияло голубизной, а в воздухе витал необыкновенно сладкий аромат.

— Воскурение ладана и цветов вишни, — сказал Лоуси. — Мы возносим курение, чтобы засвидетельствовать свое почтение Будде.

Пока дедушка от нашего имени зажигал одну за другой палочки прессованного ладана, я смиренно следовал за ним.

— От его целебного аромата твое умонастроение изменится, ты станешь уравновешенным и спокойным, — объяснил он. — Когда пойдешь путем просветления, ты сделаешься как дым ладана, поднимающийся к небесам.

Затем мой господин повел меня в укромные покои для медитации, по пути туда я украдкой поглядывал на монахов, занятых боевой подготовкой.

— Они обвязывают шнурами стопы и лодыжки, — пояснил Лоуси, заметив мой интерес. — Это нужно,

чтобы укрепить и защитить суставы во время отработки ударов ногами.

Я смотрел, с какой скоростью и силой они наносят удары пятками, и не верил своим глазам.

— Стиль аиста — это один из древнейших основных стилей шаолиньского рукопашного боя, — начал Лоуси, а я весь превратился в слух, чтобы не упустить ни слова. — Довелось однажды монаху увидеть сражение между обезьяной и аистом. Похоже было, что обезьяна запросто разорвет аиста пополам, однако птица оказалась намного хитрее обезьяны. Раскрыв крылья, она стала бросаться на обезьяну, клевать ее клювом, а затем отскакивать в сторону, и так продолжалось до тех пор, пока она не отогнала от себя это большое животное. Обрати внимание, как изящны движения монахов, — комментировал Лоуси, — как сильно и далеко они бьют одной ногой и как стоят на другой. Смотри, как они действуют руками, будто клюв у аиста щелкает.

В дальнейшем я овладел не только стилем аиста, но и многими другими традиционными стилями кун-фу. Стилей китайских боевых искусств насчитывается более полутора тысяч. Имитация повадок животных является классическим, древнейшим упражнением шаолиньского искусства кун-фу. Человек слабее животного, и, как учил меня мой господин, чтобы выжить, он должен полагаться на свой разум. И вот, чтобы точно имитировать движения и повадки того или иного животного, человеку необходимо в совершенстве овладеть мастерством статической неподвижности и динамической стремительности, размеренных движений и молниеносных атак, а также научиться наблюдать и адекватно действовать.

— Теперь смотри сюда!

Я тут же отвлекся от тренирующихся монахов.

— Сконцентрируйся на этом пламени.

Мой взгляд привлекла горящая свеча, которую Лоуси поставил передо мной.

— Сосредоточься на язычке пламени и забудь обо всем. Теперь начинай дышать.

Мы провели в храме много часов, глядя на пламя свечи. Веки мои словно налились свинцом, я уже не мог смотреть на свечу, но стоило мне закрыть глаза, как я тут же получал удар бамбуковой тростью по лицу. Лоуси бил меня всякий раз, когда думал, что я отвлекся и ослабил внимание. Целью этого многочасового созерцания было войти в контакт с ци. Мне внушали, что все в мире есть производное отрицательных и положительных сил космоса, инь и ян, которые можно гармонизировать в процессе познания ци. Как считают ученики дао, ци в человеческом теле лучше всего представить в виде потока энергии. Именно ци в организме человека управляет любым мускульным движением, процессом дыхания, регулирует функции сердечно-сосудистой и центральной нервной систем.

— Если ты полностью уравновишь ци в теле и духе, то достигнешь просветления и внутреннего покоя. Тогда в тебе откроется сверхъестественная сила, — учил меня Лоуси. — Использование ци является основой в боевом искусстве кун-фу, — продолжал он. — Эта энергия находится всегда в непрерывном движении.

Дедушка опустил руку в небольшой сосуд с водой, затем вынул ее, и на кончике указательного пальца повисла капелька воды.

— Вот тебе капелька воды. Одна лишь капелька, безобидная, кроткая и бессильная. Но что на земле, спрашивается, может противостоять силе цунами? Неистовые волны цунами способны погубить землю, сметая все на своем пути. Научись управлять энергией ци, мой мальчик. Войди в поток этой вселенской энергии, и ты обретешь силу, во много раз превышающую твои физические возможности.

С годами указания Лоуси по управлению энергией ци становились для меня все более и более понятными.

Я принимал ци за «внутреннего бога», за источник моей силы. Управляя физической энергией посредством ци, я научился разбивать голыми руками кирпичи и совершать еще более удивительные вещи. Я мог распознавать движения противника во тьме и превозмогать страшную боль, распределяя ее по всему телу.

Вся моя жизнь в Китае была посвящена овладению боевым искусством кун-фу. Как новичка, меня заставляли делать самую черную и трудную работу по дому и в храме. Все это время Лоуси самым серьезным образом готовил мое тело к тренировкам. Одним из первых упражнений, которые он показал мне, было погружение рук в ведро с песком. Час за часом под неусыпным контролем деда я выполнял это упражнение, пока на моих руках не появились сильно кровоточащие ссадины. Через несколько недель моя кожа загрубела так, что я уже не чувствовал боли. Тогда Лоуси добавил в ведро с песком небольшие камешки, и вся процедура началась снова. Затем он стал добавлять камешки побольше, потом еще больше, и так до тех пор, пока я не научился резко опускать руки в ведро с камнями, не получая при этом ни порезов, ни ссадин.

Что касается работы по хозяйству, то я отвечал за скотину. Мои дедушка и бабушка были владельцами рисовых полей, кроме того, мы держали кур, коз, коров и лошадь. Когда я работал по хозяйству, меня обычно оставляли в покое, и я мог не опасаться жестоких побоев Лоуси. Среди животных я забывал о страданиях, связанных с тренировками под жестким контролем деда, и о ненависти, которую питал к нему.

Другим приятным разнообразием были для меня поездки на рынок с бабушкой. Конечно, мне приходилось таскать тяжеленные корзины с товаром, но это было лучше, чем терпеть беспощадные побои деда. Рынок был шумным и ярким. Люди торговались и при этом громко кричали, стараясь перекричать стук, доносящийся из множества палаток, установленных для

игры в маджонг*. Здесь продавали и покупали живой товар в клетках: собак, уток, коз, кроликов, птиц, рептилий и всякого рода рыбу на больших деревянных повозках. Я держался поближе к бабушке, чтобы меня не заметил «человек-рептилия». Это был дряхлый, сторбленный старик с редкой седой бороденкой, жиденькими усами и лицом, напоминающим печеное яблоко. На его иссохших пальцах были такие длинные желтые ногти, что он мог острым ногтем большого пальца перерезать горло съедобным водяным черепахам, которыми торговал. В его лавке можно было найти насекомых и змей в любом виде — живых, мертвых, выпотрошенных и высушенных.

Еще одним притягательным местом был для меня аптечный ларек. Он вызывал у меня особое любопытство. На полу стояли огромные стеклянные контейнеры с гигантскими кобрами, а на полках еще ужаснее — ряды банок с частями тел животных, скорпионами, жуками всех форм и размеров, пчелами и змеями, заспиртованными в какой-то сильно пахнущей жидкости.

Как сейчас помню, бабушка вечно препиралась с торговцем травами. А я поражался стручковому перцу гигантских размеров, разнообразным ярко окрашенным порошкам и похожим на человечков корням, которые она покупала, чтобы готовить женьшеневые и имбирные настои. С улицы доносились восхитительные запахи — народ сидел на обочинах дорог и готовил пищу в больших «воках» — котлах с выпуклым дном. В 70-х годах XX века большая часть Кантона, казалось, была занята строительством. Китайцы в сандалиях, а чаще босоногие работали без усталости и возводили рядом с традиционными лачугами гигантские строения западного типа, вытворяя поистине чудеса на бамбуковых лесах.

* Китайское домино.

Избегая назойливо пристающих гадателей с их пахучими палочками, мы с бабушкой прокладывали свой путь по насыпи из щебня и по колючей траве рыночных пустырей. Мое внимание неизменно привлекали мастера-каллиграфы, которые работали прямо на улицах, и, конечно, тексты, написанные ими кистями и тушью.

— Писцы работают на специальной бумаге «сюаньчжи», которую делают из коры деревьев и мягкой рисовой соломы, — поясняла Жоумо. — Народ обращается к писцам, чтобы те написали за них письмо или оформили какую-то важную бумагу.

Вряд ли бабушка испытывала ко мне теплые чувства, хотя с огромным, как видно, удовольствием рассказывала мне об истории и традициях нашего народа. В Китае отмечают множество праздников, и Новый год среди них — самый важный. Китайский лунный календарь основан на движении Луны по ее орбите вокруг Земли, год в нем делится на двенадцать лунных месяцев. Календарный цикл повторяется каждые двенадцать лет, причем каждый год представлен тем или иным животным.

— Как гласит одна древняя китайская легенда, Будда, прежде чем покинуть землю, позвал к себе всех животных, — говорила мне Жоумо, — но проститься с ним явились только двенадцать. Чтобы наградить пришедших, Будда обещал назвать их именами череду лет в том порядке, в котором они явились по его зову. Вспоминая, кто прибыл первым, животные начали ссориться. В конце концов, чтобы прийти к согласию, решили устроить соревнование: имя первого животного, которому посчастливится добраться до противоположного берега реки, будет первым в череде лет, остальные годы будут названы в том порядке, в каком животные переплывут реку. И вот, выстроившись на берегу, все двенадцать животных разом бросились в воду, но крысе при этом удалось вскочить на спину быку так, что тот ничего не почувствовал. Когда бык, опередив всех

остальных животных, уже собрался выйти на противоположный берег, крыса спрыгнула с его спины и, опередив быка на какую-то долю секунды, оказалась первой. Остальные приплыли в указанном порядке: тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух и собака. Кабан был страшно медлительным и ленивым и потому оказался в самом конце.

Эту легенду Жоумо пересказывала мне много раз. При этом, закончив рассказ, она обычно хохотала до упаду, таким смешным и забавным казался ей бедный ленивый кабан.

— Но ты родился в год петуха, — говорила она мне. — Люди, родившиеся в этот год, всегда увлечены работой. Они быстро принимают решения и не боятся высказывать свое мнение, но будь осторожен, — предупреждала меня бабушка, — петух может быть хвастливым и слишком самонадеянным. — И пристально глядя на меня, она добавляла: — Ты будешь очень храбрым и отважным.

Приближался Новый год, наступления которого все ожидали с нарастающим возбуждением. Двадцатый день двенадцатого лунного месяца всегда выделялся для ежегодной генеральной уборки в доме. Моя бабушка именовала такую уборку «подметанием оснований». Чистоту в этот день следовало наводить во всех углах и закоулках дома. Я помогал бабушке развешивать большие ленты красной бумаги на стенах и на дверях. На них черной тушью идеальным почерком были начертаны иероглифы — поздравления и добрые пожелания семейству. Мы украсили дом цветами, мандаринами, апельсинами и большими грушевидной формы грейпфрутами, которые здесь называют «помело».

— Они подарят нам счастье и принесут богатство, — сказала бабушка, старательно раскладывая фрукты. (На самом деле это поверье проистекает из звукового совпадения разных по происхождению слов: слово «мандарин»

по-китайски имеет одинаковое звучание со словом «счастье», но различается на письме; то же самое можно сказать и в отношении слов «апельсин» и «богатство».)

— Вот наведем порядок в доме, приготовимся к празднику и проводим Цзаована — кухонного духа, — пояснила бабушка. — Согласно древнему преданию, Цзаован возвращается в первый день нового года, когда все праздничные гуляния заканчиваются.

В общем, работы было достаточно. Все угощения следовало приготовить перед Новым годом, поскольку все острые, режущие инструменты, такие как ножи и ножницы, следовало убрать подальше, чтобы не повредить новогоднему «счастью».

В канун Нового года в нашем доме собрались все члены семейного клана. Эти люди приехали со всех концов Китая, и было интересно видеть, как моя бабушка, обслуживая гостей, подходит к пустым местам, выделенным за столом для тех, кто не смог приехать.

— Это делается потому, что духом они пребывают с нами, хотя телом отсутствуют, — пояснила бабушка.

Мне хотелось спросить, есть ли здесь место и для моей мамы, но я так и не спросил. Многие из гостей относились ко мне с тем же презрением, что и мой дед, но со взрослыми родственниками приехали их дети — мои двоюродные сестры — и мне удалось по крайней мере поиграть с ними. Среди гостей была одна старая госпожа с широким улыбчивым лицом, которая то и дело с озорством подмигивала мне. Звали ее Ли Мэй, то есть «Цветущая слива». Она была сестрой моего деда. Другая его сестра, Ли Вэй, никак не соответствовала своему имени — «Прекрасная роза». На мой взгляд, она была просто уродина. Она смотрела на меня такими же хищными глазами, как и мой дед. В полночь, после пиршества, меня вместе с другими детьми заставили в знак почтения поклониться бабушке, деду и другим старшим. Я покорился и сделал все, что мне говорили, но по-прежнему ненавидел их.

На новогоднем празднике нам подарили красные конверты «лай-сэ». В них находилось немного денег с пожеланиями счастья. Каждый из нас был одет в новое платье. Мой дедушка облачился в изящный шелковый костюм красного цвета с затейливо вышитыми золотыми нитками драконом.

Я быстро привык к своей новой жизни в Китае, но понял, что для этих людей я всегда буду чужим. В Англии моя мать гордилась моей восточной внешностью, но для китайцев я был прежде всего «чужеземный дьявол». Уже в шесть лет я открыл, что именно по этой причине мне отказывают в сострадании, понимании и милосердии все окружающие, и даже дети.

Однажды, возвращаясь с рынка домой, мы с бабушкой решили отдохнуть у пруда. Жоумо прилегла в тенечке, а я стал пускать голыши по воде, обходя пруд. Внезапно я оказался в окружении незнакомых ребят, чуть старше меня самого.

— Эй, круглоглазый, ты что тут делаешь? — спросил один из ребят и плюнул в меня. Я даже вздрогнул от неожиданности, стараясь понять, в чем я провинился перед ними и что они хотят мне сказать.

— Да он даже не говорит на нашем языке, — засмеялся другой мальчишка и с размаху ударил меня по зубам. — Давай, круглоглазый, скажи что-нибудь, а мы послушаем.

Испугавшись вкуса крови во рту, я начал что-то говорить, но получил еще один удар по лицу. На этот раз удар был настолько силен, что я потерял равновесие и шлепнулся в грязь. В тот же миг вся компания навалилась на меня. Они таскали меня за волосы и били руками и ногами. Маленький, задыхающийся, я звал на помощь бабушку, но бабушка не откликнулась. Ребята продолжали пинать меня и выкрикивали при этом оскорбления. Их злобные голоса какое-то время раздавались в моей голове, пока я не провалился в черную

бездну, где уже не чувствовал пинков и не слышал криков. Наступила полная тишина. И никакой боли. Полное растворение в небытии.

Несколько дней спустя я очнулся в больнице. Обе руки и одна нога были в гипсе. Острая боль отдавала в спину, стоило мне только пошевелиться.

Однажды ночью, это было еще в больнице, находясь в полусне, у своей койки я увидел Лоуси и с ним незнакомого мужчину. Всего, о чем они говорили, я не услышал, но из обрывков их слов я понял, что им известна шайка ребят, напавших на меня.

— Эти ребята из шанхайской «Триады»*, — сказал незнакомец, — приехали к одному местному семейству в гости.

— Они просто не знали, кого избили, — сказал Лоуси мрачно.

— Совершенно верно.

— Из твоих слов я должен заключить, что с ними уже разобрались?

— Да, в этом семействе с ними разобрались самым строгим образом, и их старцы намерены завтра встре-

* В 1644 г. кочевники маньчжурской династии Цин захватили Китай и разрушили знаменитый своими боевыми искусствами монастырь Шаолинь. В живых остались лишь трое монахов, ушедших за провизией. Вернувшись, троица увидела только пылающие руины и пронзенные стрелами тела товарищей. Эти три монаха и основали первую «Триаду» — «Союз Земли, Человека и Неба во имя справедливости» — для борьбы с маньчжурами-захватчиками. После того как монахи умерли, их последователи получили власть над организацией, скрепленной железной дисциплиной, беспрекословным повиновением и сторонниками, готовыми выполнить любой приказ. Однако новые лидеры «Триады» вместо партизанской войны стали уклоняться в работорговлю, пиратство, нелегальную добычу золота и рэкет, мотивируя это тем, что финансовых средств, добываемых обществом, недостаточно для борьбы с маньчжурами. С тех пор «Триада» стала мафией. Жесткой авторитарной власти КНР на протяжении последних 50 лет не удалось даже слегка пошатнуть могущество мафии.

титься с тобой, чтобы просить твоей милости и прощения.

После этого происшествия шанхайские ребята старались по возможности не попадаться мне на глаза. Все они были из семей «Триады» (печально известная китайская мафия), все владели боевым искусством кун-фу, но прекрасно понимали, что никогда не выйдут на мой уровень подготовки. Если бы тогда они знали, что я был учеником всеми почитаемого Чжэн Лин Су, то никогда не решились бы так опозорить мою семью и вообще приближались бы ко мне в почтительном трепете. Среди китайцев подобные инциденты никогда не забываются. Многие годы спустя после этого случая ребята, напавшие на меня, все еще опасались последствий той ошибки в детстве. Однажды, когда я, уже будучи взрослым, вернулся после долгого отсутствия в нашу деревню, мне передали, что один из напавших на меня решил, что я приехал отомстить. Он так перепугался, что даже готов был переехать со всей семьей в другую провинцию.

Я провел тогда в больнице много недель, но стоило мне избавиться от гипсовых повязок, как мой учитель опять вывел меня во двор, чтобы продолжить тяжелейшие физические упражнения. При этом я испытывал такие муки, что мои глаза невольно наполнялись слезами. Этого, я знал, мой учитель не потерпит. И точно, не успела первая слезинка скатиться по щеке, как я уже получил удар бамбуковой палкой по ушам. Ненависть к этому человеку прямо-таки закипела во мне. Было мне тогда всего шесть лет, но я ненавидел его всеми фибрами своей души и каждой клеточкой своего тела.

В ту ночь я проснулся в холодном поту. Доносился стрекот насекомых. Я понял, что скоро наступит рассвет. В доме царил мир и покой, но ненависть во мне, из-за кошмарных сновидений, достигла предела. От новых ран меня било в лихорадке, и я, шумно ворочаясь в постели, не мог заснуть. Образ жестокого деда с бамбуковой

тростью в руках преследовал мое воображение. Мне казалось, что это никогда не кончится. Смогу ли я выдержать еще один день? Если все повторится, мне останется только одно.

Когда я на цыпочках пробирался в кухню, мне казалось, что биение моего сердца слышно по всему дому. Там в большом ящике Лоуси прятал некоторые предметы боевого снаряжения. Мы чистили и полировали его оружие каждый день, так что я мог на ощупь определить нужное. Выбрав один из секачей, я вытащил его, повернув так, что острый как бритва клинок блеснул, осветив мое лицо.

Выглянувшая из-за бамбуковых ставней луна озарила пространство передо мной, и я смог различить силуэт спящего деда. Стоя на небольшом расстоянии, я глядел на него с гневом и отвращением. Эти чувства захлестывали меня как волны. И вдруг до меня дошло, как громко и тяжело я дышу. Тут, как ни странно, мне помогло его учение. Чтобы нанести смертельный удар, нужно успокоиться. «Сосредоточься на ци, сконцентрируйся. Твой разум должен управлять твоим телом». Справившись с дыханием, я крадучись направился к кровати деда. Тот не шевелился. Я занес секач над его грудью.

Оглавление

Благодарности.....	7
Глава 1.....	9
Глава 2.....	15
Глава 3.....	35
Глава 4.....	53
Глава 5.....	70
Глава 6.....	91
Глава 7.....	109
Глава 8.....	122
Глава 9.....	141
Глава 10.....	159
Глава 11.....	180
Глава 12.....	199
Глава 13.....	218
Глава 14.....	239
Глава 15.....	259
Глава 16.....	282
Послесловие.....	294